

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

DOI: 10.23671/VNC.2019.72.35261

КОНТЕКСТНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕЙ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Л. Б. Моргоева

Статья посвящена изучению механизмов контекстного варьирования внутренней семантики слова и способов их реализации в осетинском языке. Лингвистический статус, грамматические различия и неоднородность словарного состава осетинского языка требуют различных методов и подходов к их исследованию. Руководствуясь пониманием этих особенностей, автор в данной статье ограничивает рассмотрение контекстной семантики глагольными лексемами как одним из видов номинативных единиц. На основании анализа простых и сложных глагольных образований, как вне, так и внутри контекста, был выявлен их семантический потенциал и варианты его полного раскрытия. Методом синхронного анализа собственно лексической и контекстной семантики глагольных номинаций выявлены механизмы возникновения вторичных смысловых оттенков, полного или частичного изменения внутренней семантики, а также обозначены наиболее продуктивные способы реализации коммуникативных задач с их помощью. Когнитивный подход позволил определить, что наиболее доступным и одновременно продуктивным является способ особого аффиксального оформления слова, при котором наиболее востребованным оказывается префиксальный способ. Выполняя основную словообразовательную функцию, префиксы в осетинском языке способны изменять прагматическую направленность слова, наделять совершаемое действие дополнительными коннотативными смыслами и регулировать его интенсивность, силу. Кроме того, с их помощью выражается направление совершаемого действия по отношению к говорящему, а также отношение и эмоциональная оценка говорящего относительно этого действия. Наиболее яркими являются случаи логико-смыслового расхождения корневой морфемы с выбранным аффиксом. В качестве особых форм лексических образований отмечены составные глагольные номинации, смысловая часть которых образована путем сложения двух самостоятельных понятий, усложненных особым аффиксальным оформлением. Такие глагольные образования отнесены к исключительным авторским образованиям с высокой степенью образности и определены как транспозиционные варианты, склонные к изменению лингвистического статуса при переходе из лексической единицы во фразеологическую и обратно.

Ключевые слова: осетинский язык, лексика, семантика, глагольная номинация, контекстная семантика.

Любой текст является носителем не только объективной информации, но и способом выражения мыслей, в той или иной степени пронизанных субъективным отношением к передаваемой информации. Это внутреннее отношение выражается прежде всего при помощи языковых единиц, основной из которых является лексическая единица. Вокруг нее выстраиваются все остальные языковые системы: лексическая, грамматическая, синтаксическая, морфологическая, в том числе и фразеологическая. При помощи языковых средств формируется любой текст, отображающий устную речь в различных формах, организованный соответственно сферам его функционирования [1, 8].

На субъективную природу порождения речи давно направлено внимание лингвистов, еще с 70-х годов прошлого столетия начавших придерживаться антропоцентрической теории. По мнению В. А. Добровольского, В. Г. Костомарова, В. Н. Мокиенко, В. Н. Телия, В. А. Масловой, В. И. Шаховского и многих других исследователей, проблема «язык и эмоции» является одной из важнейших в современном языкознании [2, 77].

Исследование вопросов семантики языковых единиц и определение их функционально-системного статуса в языке невозможны без учета различных подходов. Достаточно продуктивным и существенно расширяющим границы возможного является когнитивный подход [3].

Поскольку любой текст стремится выдерживать основной принцип построения «субъект – адресат», то коммуникативные задачи говорящего (субъекта) состоят не только в том, чтобы точно передать информацию, но и донести до адресата как можно ярче собственное отношение к сообщаемой информации, максимально наполнив его субъективным содержанием. Таким образом, язык понимается как «средство преобразования субъективного в объективное» [4, 90], поскольку каждый индивид использует доступные ему возможности языка

для передачи внутреннего эмоционального состояния и раскрытия их в процессе речи.

Слово как «основная единица языка, которую мы наблюдаем на каждом уровне его, выступающую разными своими сторонами» [5, 5], всегда имеет собственное значение, но ввиду свойственной ему грамматической подвижности и свободной лексической сочетаемости подвержено влиянию контекстной семантики, которая возникает при определенном речевом употреблении. Такая «приобретенная» семантика (включая спонтанную, авторскую, и даже порой искаженную, не отвечающую законам логики), имеет тенденцию закрепляться за словом и становится общеупотребительной.

Изначально не свойственные конкретному слову, значения как правило относятся к особому разряду, которые в научной литературе обозначаются как эмоционально-экспрессивная лексика [6], эмоционально-оценочная лексика [7; 8; 9] и другими составными терминами. Поскольку все существующие термины, обозначающие этот семантический разряд слов, так или иначе сообщают о присутствии субъективной оценки, эмоциональности и интенсивности, выразительности и образности, то, на наш взгляд, целесообразно для их обозначения опираться на термин экспрессивность, выступающий как результат взаимодействия всех указанных категорий [10], а единицы этого разряда обозначать экспрессивами.

На протяжении многих лет субъективность, возникающая в речи, самостоятельно не рассматривалась, позже определялась как дополнительный компонент семантики слова [11], затем была отнесена к сложным и «опасным» лингвистическим категориям [12]. Наконец, эмоциональность как проявление субъективности закрепились в лингвистике как самостоятельная категория языка, способная выражаться при помощи лексико-грамматических средств [13; 14; 15; 12]. Надо сказать, что при этом «опасность» данной категории не ослабла, поскольку

безграничные возможности лексических единиц постоянно раздвигают границы семантики слова, в том числе и контекстной.

Расширение семантического поля слова, в том числе и в случае полного изменения его значения, находится в непосредственной и тесной связи с индивидуальным эмоциональным восприятием обозначаемой объективной действительности. Иными словами, номинативные процессы происходят через призму внутреннего восприятия, в результате которого осуществляется выбор того или иного языкового знака, слова. Этот выбор не всегда оказывается удачным с точки зрения логико-смыслового соответствия, но тем экспрессивнее становится слово. Не случайно Г. Гийом считал экспрессивность явлением отрицательным, порожденным недостаточным, скудным знанием языка [16]. Вместе с тем, широта чувственного восприятия настолько многогранна и комплексна, что не всегда в языке находятся возможности передать его соответствующим образом, используя слова, адекватные чувствам и эмоциям. Стремление к максимально возможному соответствию выражаемого с переживаемым побуждает говорящего к языковому творчеству с использованием всех доступных ему языковых средств и речевых навыков.

Номинации явлений действительности, признаков и действий подвергаются особой форме семантической трансформации под воздействием субъективного контекстного использования. В осетинском языке основную часть лексики, подверженной такой трансформации, составляют номинации различного рода действий. Именно действенный процесс вызывает у субъекта речи острую необходимость в дополнительных характеризующих уточнениях, которые достигаются при помощи словоизменения или посредством способов непрямого использования семантики слова.

Номинации действий или иных процессов (состояний, проявлений признака, его изменения, отношение к кому-либо или к чему-либо) в осетинском представ-

лены простыми и сложными лексическими формами. К простым относятся языковые единицы, представленные одной словоформой, содержащей одновременно и логико-смысловое и грамматическое значения. Семантическое варьирование таких словоформ происходит за счет словообразовательных процессов. Так, семантика может изменяться не только в связи с употреблением слова в несвойственном данному контексту значении, но и с усилением этого значения при помощи аффиксов.

В этом смысле словообразовательные возможности глагольного префикса *ны-* в осетинском языке позволяют утверждать, что данная морфема указывает направление действия, усиливает его характер и признак обозначаемого действия, наделяет максимальной концентрацией интенсивности, которая наиболее ярко обнаруживается внутри контекста. Скажем, лексикографическое описание глагола *бырсын* представлено рядом значений, которые по своей сути выведены из контекстных значений, сообразно которым оно может толковаться как «валить, опрокидывать», «напирать», «нападать», «бороться», «вламываться». С учетом различных аффиксов семантика обозначаемого действия многократно увеличивается, приобретая дополнительные уточнения о направлении, характере, степени завершенности и иных характеризующих признаках. Особенно ярко варьирование внутренней семантики просматривается в осетинских фольклорных текстах «Нарты кадджытæ» (далее в тексте – НК) как наиболее выразительных примерах живой речи [17].

К примеру: *Уыдон нæ бакоммæ кастысты æмæ дæлзæхх быцæнæгтæм ныббырстой.* (НК) – «Они не послушались и к подземным быцентам вломились» (здесь и далее перевод наш. – Л. М.). В данном случае глагол *ныббырсын* является интенсивным и семантически более агрессивным синонимом глагола *ныццауын* «спуститься». Заметим, что в обоих вариантах сохранен один и тот же префикс: в первом случае в кон-

тексте он выступает как интенсификатор, во втором же – обозначает лишь направление движения вниз. Здесь с определенной долей уверенности можно говорить о том, что основная масса случаев контекстного варьирования внутренней семантики слова напрямую связана с его экспрессивной функцией, которая является основным мотиватором возникающих вариантов словоупотребления.

Нартæ ныккалдысты æмæ хуыссыны æстонгай (НК). – «Нарты **свалились** и лежат голодными»; *Сайнаг-æлдар лæдзæг фелвæста æмæ йын дзы дыууæ ныххафта, лæппу кæугæ скодта, лидзгæ нæ акодта* (НК). – «Сайнаг-алдар схватил палку и **отвесил** (в знач. «ударил») ему пару, мальчик заплакал, не убежал».

Здесь в обоих случаях глаголы использованы в переносном значении и транслируют отличные от исходной семантики смыслы. Так, лексема *калын* в исходном своем значении является номинацией действий «лить», «проливать», «сыпать» [18; 18], так же как и глагол *хафын* передает значение «скоблить», «тереть», «строгать» [18; 18]. В более широкой семантике *калын* – «валить», «рушить», «валить на землю» [20, 569], *ахафын* – «истреблять», «уничтожать» [18].

Как видим, несмотря на широту семантического диапазона, все же не всегда предусматриваются все случаи употребления слов и отражаются в лексикографическом описании. Несомненно, причиной этому становится возникновение переносных смыслов, появление которых не всегда представляется возможным отследить. Вместе с тем, нельзя утверждать, что в представленных вариантах употребления мы сталкиваемся с непривычными для восприятия семантическими компонентами, поскольку понимание их семантики не вызывает никаких затруднений. При контекстном употреблении актуализируется один из нескольких семантических компонентов слова, и благодаря метафоризации, возникающей при взаимодействии с сосед-

ними лексическими единицами, появляются и со временем закрепляются в языке новые смысловые оттенки слова. Аффиксальное словоизменение при этом активно способствует достижению прагматических целей, поставленных перед коммуникантами. В частности, глагольные превербы используются не только для обозначения направления действия, движения, но для усиления интенсивности этого действия и придания динамичности сообщаемому процессу. В максимальной степени эта динамичность проявляется в словах, собственная семантика которых изначально экспрессивна.

Очевидно, что образ, лежащий в основе большинства обнаруживаемых смысловых оттенков, всегда в той или иной степени присутствует в слове и нередко является основанием для нового контекстного варианта использования. К примеру, лексемы *айхæлын* «развязаться», «разрушиться, развалиться», *аивылын* «разлиться, растечься» с добавочным смысловым наполнением внезапности или замедленности действия обнаруживают интересные формы контекстного употребления.

Æмбырд айхæлди, уæдæ цы уыдаид (НК). – «Собрание (внезапно) **развалилось**, а как же иначе»; *Стæй, адæм куы аивылдысты, сæхуыддæг иунаггай куы æрызадысты, уæд дзуры Уырызмагма...* (НК) – «Потом, когда люди **растеклись** (в знач. «разошлись»), когда (они) остались сами наедине, то Урузмагу говорит...»

Создание таких образов неслучайно, поскольку исходная семантика слова всегда доминирует над приобретенными смыслами и усиливает создаваемый образ. В этом отношении очень интересны варианты контекстного употребления сложных глаголов, состоящих из именной и глагольной частей.

В осетинской грамматике именная часть сложного глагола может быть представлена именными частями речи, наречиями, частицами, междометиями, а также десемантизированными лексическими

образованиями [21, 152]. Глагольная же часть выражается в основном при помощи слов *канын* «делать», грамматическими формами *уэвын* «быть» и *ласын* «тащить, везти». Имея самостоятельное смысловое значение, эти глаголы в составе сложных глагольных образований выполняют исключительно грамматическую функцию, тогда как их именная часть несет на себе смысловую нагрузку. При этом глагол *ласын* в качестве грамматической части используется, как правило, для передачи интенсивности, внезапности и силы совершаемого действия.

Изменение грамматической части сложного глагола почти всегда влечет за собой и некоторые семантические изменения, а в ряде случаев требует и определенного выбора соответствующих аффиксов в именной части. При этом нельзя утверждать, что с точки зрения семантической сочетаемости грамматические части равноправны с именными частями и взаимозаменяемы. Так, в глаголах *ныджджих уэвын* «установиться в одну точку, остолбенеть», *аердиаг канын* «громко плакать, рыдать с причитаниями», *хуымканын* «пахать, вспахивать», *ахуыр канын* «учить, учиться» [18, 18] и подобных нельзя заменить грамматическую часть на другую глагольную форму, а в других же глаголах, исходя из прагматической направленности контекста, возможны варианты: *ныццэлхъ канын (ласын)* «ударить», *саерраэтт канын (ласын)* «прыгать, перепрыгивать», *зыввытт канын (ласын)* «бросать, швырять», *ныххафт канын (ласын)* «ударить сильно (внезапно)» и т.п. Выбор варианта грамматической части сложного глагола зависит от смысловой нагрузки его именной части и его соответствия общему контексту высказывания. Однако наблюдения показывают, что такой выбор в пользу вспомогательного глагола *ласын* возможен чаще всего с именной частью, выраженной звукоподражательным словом (*къаериц канын (ласын)* «стучать, стук», *сыффытт канын (ласын)* «мелькнуть», *гуытп канын (ласын)* «взрывать,

вспыхивать», *пъаертт канын (ласын)* «ударять, затягиваться (при курении)» [18, 18] и др.), при котором возникает более широкий охват семантического толкования и контекстной интерпретации.

Другим механизмом контекстного вариирования внутренней семантики слова является использование несвойственных данному слову аффиксальных приемов, при котором образуются «новые» грамматические формы и смысловые оттенки: *Маэ лаэг Хуримаэ аэмынг уыди, амаэ йын ралæвар кодта дзæгъа фæрдыг...* (НК) – «Мой муж был приближенный Солнца, и он ему подарил (чудесную) бусину...»; *Иу цъæх хъила галл дзы уыдис, амаэ йын йæ сыкъатыл зæлдаг синаг бабаста гыццыл лæппу амаэ йæ рахуын кодта Барастырагн, Магрдты хицауагн* (НК). – «Один серый теленок там был, и повязал ему маленький мальчик на рога шелковую веревку и сделал подношение Барастыру, повелителю мертвых» и т.п.

Для указанных глаголов употребление представленных префиксов в исходной своей семантике несвойственно и граничит с речевой ошибкой. Замена привычных префиксов рождает определенную динамику действия и в некоторых случаях меняет места скрытую коммуникативную позицию автора – ср: *лавар* (*балæвар, ралæвар, славар, алавар, æрбалæвар*) *канын* с общим значением «дарить, подарить» исходя из выбранного префикса меняет интенсивность, силу и экспрессивные оттенки. Те же семантические процессы происходят с остальными номинациями действий, в том числе и с фразеологическими сочетаниями, максимально приближенными к лексической единице (*ныфс æварын* «давать надежду, обнадеживать», *арфаг канын* «выражать благопожелание, поздравлять» и др.): *Сæтæлаг ныфс æрбавæрдта* (НК). – «Саталаг придал надежду»; *Зæронд лаг дæр Хуыцауæй ныййарфæтæ кодта...* (НК) – «Старец тоже Богом (его именем) выразил благопожелания...»

Таким образом, «при присоединении преверба к глаголу (к простому глаголу

или к именной компоненте сложного глагола) происходят <как> фонологические изменения» [22, 39], так и изменение внутренней семантики основного смыслового наполнения, актуализируемого внутри контекста, поскольку каждый преверб в осетинском языке указывает на направление совершаемого действия и положение говорящего и собеседника по отношению к совершаемому действию. Совокупность смысловых и грамматических значений и их сочетаемость/несочетаемость внутри контекста может придавать особую стилистическую тональность всему тексту, как это происходит, к примеру, с эпическими текстами и фольклорными произведениями, в которых такое «расхождение» часто встречается и расценивается нами как особенность стилистической организации текста.

Особенно эффективным этот прием оказывается в случаях, когда исходная семантика именной части уже экспрессивна, а в качестве грамматической части используется глагол с самостоятельным логико-предметным значением: *ласын* «тащить, везти», *дарын* «носить, держать», *сисын* «поднять», *фæуын* «окончить, оказаться» [24], *марын* «убивать», *мæлын* «умирать», *кæсын* «смотреть» [22, 44]. Однако статус сложных глаголов с указанными глагольными компонентами неоднозначен, поскольку с их помощью образуются сложные понятия или становятся компонентами глагольных фразеологизмов: *дисæй мæлын* «удивляться», *худæгæй мæлын* «смеяться, умирать со смеху», *мæстæй мæлын* «злиться (сильно), умирать от злости», *сыдæй мæлын* «быть (очень) голодным», *мæстæй марын* «дразнить, (сильно) бесить», *тухæнæй марын* «(очень) мучить, терзать», *зæрдæ дарын* «надеяться», *ныфс дарын* «быть уверенным», *цæст дарын* «наблюдать, следить», *хъус дарын* «прислушиваться и др.

Почти во всех случаях сложный глагол имеет синоним в виде простой формы глагола, либо вспомогательный компо-

нент может быть заменен на нейтральные формы *кæнын* «делать», *уæвын* «быть» (ср. *худæгæй мæлын* – *худын* «смеяться», *мæстæй мæлын* – *мæсты кæнын* «злиться», *тухæнæй мæлын* – *тухæн кæнын* «мучиться»), и выбор в пользу менее «продуктивных» вариантов вспомогательных глаголов продиктован стремлением усилить семантику и значимость совершаемого действия, придать ему большую интенсивность, силу и экспрессию. Ввиду своей яркой образности такие глагольные образования приближены к устойчивым сочетаниям. Поэтому в лексикографических описаниях наравне с лексическими соответствиями могут быть представлены их буквальные переложения (*тухæнæй марын* – «мучением убивать»): *Æз ма дисæй мардтæн куыд ныддур вæййы æвзæргæнæджы зæрдæ* (Коцойты А.). – «Я еще сильно дивился, как каменеет сердце злодея»; *Хæдзармæ уæ хъус дарут* (Цæгæраты М.). – «За домом следите»; *Агурыны, карт сæ сæрыл систой, фæлæ марадзæгъ – нукуы æмæ ницы* (Гаглойты В.). – «Ищут, двор перевернули (подняли на голову), но вот тебе – нигде и ничего».

Такое варьирование отражается и на внутренней семантике смыслового наполнения слова как вне, так и внутри контекста, исходя из уровня знания носителя языка и степени его эмоциональной восприимчивости.

В результате речевого творчества возможно возникновение авторских образований, возникающих на основе образного восприятия описываемой действительности или путем стяжения компонентов словосочетания. Такие примеры часто наблюдаются и в фольклорных текстах, которые также близки по стилистике свободной разговорной речи: *Æмæ йын аргæвды йæ дзуггæс цæу, лалымæстыгъд æй бакæны æмæ дзы æхсæв-бонмæ йæ фыдæй йæхи хорз фены* (НК). – «И забивает его козла, охраняющего отару, сдирает с него шкуру и с ночи до утра наслаждается его мясом»; *Уырызмæг дын фæзæрдæфæлдæхт (ис), загъта: «Ай мыл цы бæллæх сæмбæлдис, цæй*

æнамонд фæндагыл рацыдтæн!» (НК) – «У Урузмага перевернулось сердце и (он) сказал: “Это что за напасть на меня нашла, что за несчастный путь я начал!”»; *Раздæр дæм æрбахæццæ уыдзæн урс бæхыл мæ фырт, æмæ дæ курын, риухъæнджынтæ-иу æй фæкæн, маргæ мын æй ма акæ* (НК). – «Сначала к тебе прибудет на белом коне мой сын, и прошу тебя, покалечь его, убивать не убивай».

Смысловая часть данных глагольных образований не находит адекватного внутренней семантике лексического соответствия в другом языке, поскольку уже в своем значении содержит информацию о процессе, состоящем из комплекса определенных действий, на основании которой возникает образ, представленный как результат этого процесса: *лалым+ (ы) +стыгъд* «способ сдирания шкуры с животного, которое применяется, когда шкура предназначена для изготовления из нее бурдюка» [18, 279], *риу+хъæнджынтæ* «с поврежденной грудью, торсом», *фæ+зæрдæ+фæлдæхт* букв. «оказался с перевернутым сердцем». Сложность перевода таких глагольных образований очевидна, но вместе с тем они

ценны и привлекательны для исследователей свойственной им образностью, глубиной смыслового содержания и морфологической подвижностью [23].

Следует отметить, что такие сложные глагольные образования демонстрируют образность мышления и являются одним из способов появления глагольных фразеологизмов.

Таким образом, на примере различных номинаций действий выявлен ряд характерных особенностей изменения внутренней семантики слова в зависимости от контекста, основными из которых являются аффиксальные приемы и различные способы употребления сложных глаголов в осетинском языке. При этом любой использованный прием мотивирован коммуникативными задачами и состоит в тесной связи с контекстом. Прагматическая оправданность нехарактерного использования тех или иных аффиксов полностью исключает вариант речевой ошибки, если результатом таких образований является особая стилистика текста, создание образности, выразительности и экспрессии внутри него.

1. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
2. Тузлу (Гарифуллина) А. М. Лексико-фразеологические средства выражения эмоций в турецком языке // Филология и культура. 2012. № 3 (29). С. 73-77.
3. Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 2010.
5. Сердобинцев Н. Я. Семантическая структура слова и его коннотации // Теория слова и функционирования словарных единиц. Саратов, 1981.
6. Гридин В. Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983. С. 113-119.
7. Васильев Л. Н. К вопросу об экспрессивности и экспрессивных средствах (на материале славянских языков) // Славянский филологический сборник. Уфа, 1962. Вып. 9. №3. С. 110-115.
8. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1983.
9. Сергеева Л. А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа: Автореф. дисс.... докт. филол. наук. Уфа, 2004.

10. Моргоева Л. Б. Субъективное в языке и речи: природа, содержание, выражение. Владикавказ, 2008.
11. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М., 1990.
12. Шаховский В. И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. 2004. №1. С. 39-47.
13. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблема экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка. Л., 1975. С. 11-20.
14. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
15. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. (Проблемы семантики). Новосибирск, 1986.
16. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Сборник неизданных текстов, подготовленный под руководством и предисловием Рока Валена: Пер. с фр./Общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скрепиной. М., 2004.
17. Нарты кадджытæ (Нартовские сказания). Владикавказ, 2003. Кн. I. 2004. Кн. 2; 2005. Кн. 3; 2007. Кн. 4; 2011. Кн. 5. (на осет. яз.)
18. Осетинско-русский словарь/Под ред. Т. А. Гуриева. Владикавказ, 2004.
19. Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б. Большой русско-осетинский словарь. Владикавказ, 2011.
20. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. – Л., 1958. Т. I.
21. Дзодзикова З. Б. Современный осетинский язык (фонетика, лексика и фразеология, словообразование). Владикавказ, 2017.
22. Выдрин А. П. Глагол в осетинском языке // Востоковедение. Историко-филологические исследования/отв. ред. А. К. Оглоблин, Н. Н. Телицин. СПб., 2014. Вып. 30.
23. Кудзоева А. Ф., Качмазова Е. С., Шафаги М. Сравнительно-сопоставительный анализ причастий в персидском, русском и осетинском языках // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 30 (69). С. 103-112.
24. Цопанова Р. Г., Колиева И. Н. Современный осетинский язык. Словосочетание и синтаксис простого предложения. Владикавказ, 2017.

Morgoeva, Larisa B. – V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS; lalik_m@mail.ru

CONTEXT VARIATION OF INTERNAL SEMANTICS OF VERBAL NOMINATIONS IN THE OSSETIAN LANGUAGE.

Keywords: *Ossetian language, vocabulary, semantics, verbal nomination, contextual semantics.*

The article is devoted to the study of the mechanisms of contextual variation of the internal semantics of the word and the ways they are realized in the language. The linguistic status, grammatical differences and heterogeneity of the vocabulary of the Ossetian language require different methods and approaches to their study. Guided by the understanding of these features, consideration of contextual semantics in this article is limited to verbal lexemes as one of the types of nominative units. Based on the analysis of simple and complex verbal formations, both outside and inside the context, their semantic potential and options for its full disclosure were identified. By the method of simultaneous analysis of the actual lexical and contextual semantics of verbal nominations, the mechanisms for the emergence of secondary semantic hues, the complete or partial change of the internal semantics are identified, and the most productive ways of implementing communicative tasks with their help

are identified. The cognitive approach used in this study made it possible to determine that the most accessible and at the same time productive method is a special affixal word formation, in which the prefixal method prevails. In performing the basic word-building function, the prefixes in the Ossetian language can change the pragmatic orientation of the word, give the performed action additional connotative meanings and regulate its intensity and strength. In addition, with their help, the direction of the committed action is expressed in relation to the speaker, as well as the attitude and emotional evaluation of the speaker regarding this action, the most striking of which are cases of logical-semantic divergence of the root morpheme with the selected affix. As special forms of lexical formations, compound verb nominations are noted, the semantic part of which is formed by adding up two separate concepts, complicated by a special affixing design. Such verb formations are attributed by us as author's exclusive formations with high degree of figurativeness and are identified as transpositional variants that are prone to changing linguistic status when moving from a lexical unit to a phraseological one and vice versa.

REFERENCES

1. Zolotova, G. A. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communication grammar of the Russian language] Moscow, 2004. 544 p.
2. Tuzlu (Garifullina), A. M. *Leksiko-frazeologicheskie sredstva vyrazheniya emociy v turetskom yazyke* [Lexical and phraseological means of expressing emotions in Turkish]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture]. 2012, no. 3 (29), pp. 73-77.
3. Kubryakova, E. S. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazyk i porozhdenie rechi* [The human factor in language. Language and speech generation]. Moscow, Nauka, 1991. 238 p.
4. Gumboldt, V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on Linguistics]. Moscow, Progress, 2010. 400 p.
5. Serdobintsev, N. Ya. *Semanticheskaya struktura slova i ego konnotatsii* [The semantic structure of a word and its connotations]. *Teoriya slova i funktsionirovaniya slovarnykh edinic* [Theory of a word and the functioning of vocabulary units]. Saratov, Saratov State Pedagogical Institute, 1981. 142 p.
6. Gridin, V. N. *Semantika emotsional'no-ekspressivnykh sredstv yazyka* [The semantics of emotionally expressive means of language]. *Psikholingvisticheskie problemy semantiki* [Psycholinguistic problems of semantics]. Moscow, Nauka, 1983, pp. 113-119.
7. Vasilev, L. N. *K voprosu ob ekspressivnosti i ekspressivnykh sredstvakh (na materiale slavyanskikh yazykov)* [On the question of expressiveness and expressive means (on the material of Slavic languages)]. *Slavyanskiy filologicheskii sbornik* [Slavic philological collection]. Ufa, 1962, iss. 9, no. 3, pp. 110-115.
8. Kozhina, M. N. *Stilistika russkogo yazyka* [The stylistics of the Russian language]. Moscow, Prosveshchenie, 1983. 223 p.
9. Sergeeva, L. A. *Otsenochnoe znachenie i kategorizatsiya ocenochnoy semantiki: opyt interpretatsionnogo analiza* [Estimated value and categorization of evaluative semantics: the experience of interpretational analysis]. Thesis abstract of the doctoral dissertation (in Philology). Ufa, 2004. 45 p.
10. Morgoeva, L. B. *Sub»ektivnoe v yazyke i rechi: priroda, sodержание, vyrazhenie*. [Subjective in language and speech: nature, content, expression]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2008. 187 p.
11. Potebnya, A. A. *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical poetics]. Moscow, Vysshaya shkola, 1990. 344 p.
12. Shahovsky, V. I. *Tipy znacheniy emotivnoy leksiki* [Types of values of emotional vocabulary]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics]. 2004, no. 1, pp. 39-47.

13. Arnold, I. V. *Interpretatsiya khudozhestvennogo teksta: tipy vydvizheniya i problema ekspressivnosti* [Interpretation of the literary text: types of nomination and the problem of expressiveness]. *Ekspressivnye sredstva angliyskogo yazyka* [Expressive means of the English language]. Leningrad, A. Herzen Leningrad State Pedagogical Institute, 1975, pp. 11-20.
14. Teliya, V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. 288 p.
15. Lukyanova, N. A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya (Problemy semantiki)* [Expressive vocabulary of spoken use. (Problems of semantics)]. Novosibirsk, Nauka, 1986. 215 p.
16. Guillaume, G. *Printsipy teoreticheskoy lingvistiki* [Principles of theoretical linguistics]. *Sbornik neizdannykh tekstov, podgotovlennyy pod rukovodstvom i predisloviem Roka Valena* [Collection of unpublished texts, prepared under the guidance and with preface of Rok Valen. Transl. from French. Ed., afterword and comments by L. M. Skrelin]. Moscow, Editorial URSS, 2004. 224 p.
17. *Narty kaddzhytæ (Nartovskiy skazaniya)* [Nart sagas. In 5 books]. Vladikavkaz, 2003-2011, books 1-5. (in Ossetian)
18. Guriev, T. A. (ed.) *Osetinsko-russkiy slovar'* [Ossetian-Russian dictionary] Vladikavkaz, Alaniya, 2004. 540 p.
19. Parsieva, L. K., Gatsalova, L. B. *Bol'shoy russko-osetinskiy slovar'* [Large Russian-Ossetian dictionary]. Vladikavkaz, North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2011. 687 p.
20. Abaev, V. I. *Istoriko-etimologicheskiy slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Moscow – Leningrad, Academy of sciences of the USSR, 1958, vol. I. 655 p.
21. Dzodzikova, Z. B. *Sovremennyy osetinskiy yazyk (fonetika, leksika i frazeologiya, slovoobrazovanie)* [Modern Ossetian language (phonetics, vocabulary and phraseology, word formation)]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2017. 160 p.
22. Vydrin, A. P. *Glagol v osetinskom yazyke* [Verb in Ossetian language]. *Vostokovedenie. Istoriko-filologicheskie issledovaniya. Mezhvuzovskiy sbornik statey* [Oriental Studies. Historical and philological studies. Interuniversity collection of articles. Eds. A. K. Ogloblin, N. N. Telitsin]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2014, iss. 30. 268 p.
23. Kudzoeva, A. F., Kachmazova, E. S., Shafagi, M. *Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz prichastiy v persidskom, russkom i osetinskom yazykah* [Comparative analysis of participles in the Persian, Russian and Ossetian languages]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2018, iss. 30 (69), pp. 103-112.
24. Tsopanova, R. G., Kolieva I. N. *Sovremennyy osetinskiy yazyk. Slovosochetanie i sintaksis prostogo predlozheniya* [Modern Ossetian language. Phrase and syntax of simple sentence]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2017. 220 p.